

Введение

Философия в образе юной девы, в полном вооружении светлой метафизической мысли, вышла из головы Бога, но этот облик остался пребывать на древнем Олимпе. В современных библиотеках под таким именем мы встречаем только недовольную, критическую, иссушенную мумию, которая ничего уже сердцу не говорит. Место метафизики заняла критика, место свободной и, главное, самостоятельной мысли заняли комментарии на комментарии к высказываниям мыслителей прошлого. Место знания — обсуждение условий того, как бы приступить к обсуждению возможности знания. Здоровая юность сменилась болезненной дряхлостью. Конечно, в этом нет ничего случайного. Нельзя сказать, что философию просто вытеснила наука и литература. Отсутствие метафизики есть признак всей современной культуры, это ее хроническая болезнь. И каркас этой болезни лежит не в самой культуре, а в устройстве социума, в громоздкости и дезориентации его институтов. Ведь сами ушедшие из виду ориентиры полагаются только метафизическим образом.

Наш сборник называется «Ориентиры...»; разумеется, это не означает, что мы сейчас же смогли бы их указать. Мы можем лишь привлечь внимание к тем проблемам, которые возникают на пути нашего метафизического устремления. Такова общая рамка для всей серии сборников. С этим же связана тема «Восток и Запад», дающая большой простор для размышлений в этом направлении.

Традиционализм, традиция и архаика, эти понятия дают нам более конкретное приближение к исследованию метафизического ядра культуры. Метафизика пропитывает собою традиционную культуру, но то, что принято называть метафизикой в философии, представлено, собственно, только в философских системах западной мысли, ориентировавших культуру как раз на удаление от традиции, по крайней мере, от элементов традиции в ее религиозной форме. Для традиционализма понятие традиции отнюдь не равно архаике, напротив, Единая Духовная Традиция в этом учении есть вечный метафизический источник всех ее конкретных воплощений во времени, которые свидетельствуют о ее постоянном и всегда современном присутствии в ёмких и однозначно не интерпретируемых, но при этом неразстворимых и неустранимых символах. Архаика же в таком случае предстает как некий резидуум, остаток, может быть, даже осадок, остающийся в повседневной жизни прошлого и настоящего от этих конкретных воплощений. Поэтому заведомо тщетной оказывается попытка возродить архаичные формы культуры, в частности религиозные доктрины, ритуалы и формы жизни: «Очарование, произво-

димое прошлыми архаичными формами, возвышает повседневность, преодолевая тенденцию ее развенчания, но при этом происходит пере-рождение повседневного в суррогат архаики, что, в свою очередь, не по-зволяет древним формам жизни стать вновь конкурентоспособными. Будет иллюзией, обращенной в прошлое, полагать, что можно совершить очаровательное волшебство без сплошного обмана. Архаичное устрой-ство мира и архаичные формы жизни слишком увлечены прелестной иг-рой с первоприродой, чтобы быть действительной альтернативой, спо-собной вывести цивилизованный разум из кризиса»¹. Однако ведь и сам разум коренится в этой магической «первоприроде», все дело в том, что она собою представляет: нечто темное и бессмысленное или же, напро-тив, Божественную Вселенную, первопричину нашей физической Вселен-ной. Цивилизованный разум обращается к архаике, которая доступна как архив данных из прошлой истории, но ему закрыт доступ к трансцендент-ному, он не метафизичен в прямом смысле слова. Он не может обратиться к метафизической Традиции, поскольку она для него невидима.

На статус истинной традиции в каждом современном социуме могут претендовать совершенно разные доктрины и учения, поскольку в его исто-рии происходила смена культурных, в том числе религиозных, форм. Каждая из этих форм получает свое имя (например, имя бога соответствую-щей религии), этому имени придается священный смысл, исключая-щий другие имена или ставящий их в подчиненное положение. Имена-боги между собой воюют не на жизнь, а на смерть, как, например, бог иу-деев из-за своей ревности истреблял целые племена (заодно истребив и тысячи своих людей), дабы те не соблазняли его народ. Надо думать, что и другие племенные боги были не менее ревнивы, просто эту историю за-помнили и записали. Исторический «тигель» переплавки богов в единого бога и порождает архаику, суррогат которой мы переносим в современ-ность под видом «исторических традиций». Потому что настоящего Еди-ного никто не видел и не слышал, хотя Он все во всем, и, значит, только Его мы и слышим и видим; у Него нет имени, но все имена и слова — Его.

Таков был эскиз-набросок идеи этого сборника. Его авторы каждый по-своему воплотил в своей работе общий замысел. Разнообразие под-ходов и понимания как самой метафизики, так и традиции, архаики и смежных с этим проблем само по себе интересно, ведь каждый человек, а тем более философ, это целый мир мыслей и образов со своим особен-ным строем, интонацией, своим пространством, со своим «лица необ-щим выраженьем».

Т.Б.Любимова

¹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М., 1991. С. 45.